

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5159016>

УДК 343

Упоров И.В.

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России, 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128. E-mail: uporov@list.ru.

Основания и условия необходимой обороны в российском законодательстве монархического периода

Аннотация. Выявляются и раскрываются ключевые уголовно-правовые характеристики и тенденции развития института необходимой обороны в российской законодательстве дореволюционного времени (до 1917 г.). Анализируются соответствующие правовые акты (Соборное уложение 1649 г., Артикул воинский 1715 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и др.), научные труды по заявленной теме. Отмечается, что российский законодатель последовательно углублял и расширял основания и условия необходимой обороны, делая акцент на защите личности. В целом к концу функционирования Российской империи сформировалась вполне обоснованная научно-практическая позиция по регулированию института необходимой обороны.

Ключевые слова: необходимая оборона, Российская империя, уложение, преступное посягательство, жизнь, собственность.

Uporov I.V.

Uporov Ivan Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 350005, Krasnodar, ul. Yaroslavskaya, 128. E-mail: uporov@list.ru.

Basis and conditions of necessary defense in Russian legislation monarchic period

Abstract. The key criminal-legal characteristics and development trends of the institute of necessary defense in the Russian legislation of the pre-revolutionary period (up to 1917) are identified and revealed. The relevant legal acts are analyzed (Cathedral Code of 1649, Military Article 1715, Code of Criminal and Correctional Punishments 1845, etc.), scientific works on the stated topic. It is noted that the Russian legislator has consistently deepened and expanded the grounds and conditions for necessary defense, focusing on the protection of the individual. On the whole, by the end of the functioning of the Russian Empire, a well-founded scientific and practical position on the regulation of the institute of necessary defense was formed.

Key words: necessary defense, the Russian Empire, code, criminal encroachment, life, property.

Необходимая оборона как уголовно-правовой институт в нынешнем его понимании теоретически в России стал обосновываться сравнительно на сравнительно позднем этапе исторического развития – это происходит лишь в XVIII в. [3, с. 214]. Если же говорить об истоках самого этого явления, в России речь

нужно вести прежде всего о договорах Руси и Византии, которые, как известно, являются древнейшими памятниками права в нашей стране. Если говорить более конкретно, то интерес вызывает Русская Правда (краткая редакция), где имеется, в частности, норма (ст. 3) о том, что «аже кто кого оударит батагом, любо чашею,

любо рогом, любо тылеснию – то 12 гривен; нетерпя ли противу тому оударит мечем, то вины ему в том нетуть» [4, с. 77-86]. Анализируя эту норму, А.Ф. Бернер справедливо пишет о том, что наличествуют элементы необходимой обороны [2]. Обратим внимание, что предусматривается ответственность за удар, нанесенный определенным орудием преступления, то есть, акцент делается не на причинении физического вреда, а на тех предметах (орудиях преступления), посредством которых причиняется вред здоровью. И перечень указанных в статье Русской Правды предметов (батог, чаша и др.) показывает, что суть описываемого события заключается в совершенной «обиде», нанесенной обороняющемуся, поэтому ответный удар, наносимый в данном случае в рамках необходимой обороны, мог следовать практически сразу за преступным посягательством, и вины в этом законодатель не усматривал.

В приведенном примере речь идет о необходимой обороне от посягательства на личность. Если же в качестве такового полагать собственность, то законодатель в ст. 40 Русской Правды (Пространной редакции) выражается таким образом: «аже убьють кого у клети или которое татьбы, то убьют во пса место...» [4, с. 108-189]. Как видно, здесь право потерпевшего на действия необходимой обороны выражено вполне наглядно. В целом в Древней Руси наблюдается переход от древнего обычая бесконтрольной со стороны государства мести к регулируемому, пока еще примитивно, праву на необходимую оборону с целью защиты признанных в государстве ценностей.

В период середины Средних веков наиболее значительным памятником права в истории России было, как известно, Соборное уложение 1649 г. Именно в этом законодательном акте находит осмысленное развитие институт необходимой обороны, где он получает, как будет показано, достаточно подробное (относительно того времени, конечно) регулирование. Прежде

всего следует заметить, что Уложение 1649 г. содержит нормы о необходимой обороне, касающейся защиту жизни, здоровья, личности, а также собственности. Если речь вести об обороне от посягательства на личность, то Уложение допускает причинять посягающему вред здоровью, а также причинять смерть. В частности, в Уложении 1649 г. имеется ст. 200 Главы X, где указывается: «а будет кто сам кого задерет, и учинится между ими бой, и на том бою того кто наперед задерет кто ранит и он на того кто его ранит учнет бити челом в увечье. А тот на кого он учнет бити челом в том не запрется и скажет, что он его ранил от себя бороняся, а сыщется про то допряма, что тот бой почался от челобитчика от самого, и ответчика в том бою не винить, и за увечье на нем раненому ничего не указывать, потому что тот раненой сам не прав» [10].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в процитированной норме впервые законодатель использует слово «оборона» («бороняся»), который в дальнейшем будет использоваться законодателем все чаще и чаще. Здесь же нельзя не отметить и того, что Уложение 1649 г. позволяет обороняющемуся защищать свое имущество непосредственно, то есть причиняя посягающему вред здоровью, в том числе в случаях, когда виновный с захваченным имуществом убегает, а потерпевший имел право, догнав его, причинить вред (при условии оказания сопротивления). А если речь шла о похищении имущества из домовладения или хищении хлеба поле, то Уложение 1649 г. не определяло пределы необходимой обороны (ст. 105 гл. X, ст. 89 гл. XXI). Вместе с тем, допуская защиту своих интересов против действительных посягательств, законодатель обходил вниманием преступные посягательства, связанные с оскорблением. Что же касается деяний чести и достоинства, то Уложение выделяет состав деяния в виде посягательства на честь женщин (ст. 16 гл. XXII), соответственно, как отмечает видный российский правовед Н.С. Таган-

цев, позволялась оборон против посягательства на женскую половую неприкосновенность [11, с. 196].

Указанные выше случаи правомерной защиты своих интересов в рамках необходимой обороны, регулируются на более высоком уровне обобщения, чем до Уложения 1649 г. Вместе с тем коллизия как метод регулирования общественных отношений еще остается, в том числе касательно необходимой обороны. Так, законодатель выделяет конкретный случай, связанный с защитой интересов при посягательстве на чужое домовладение «скопом и заговором» с явной противоправной целью и с применением насилия. При таком деянии Уложением также не определяло пределов необходимой обороны. Так, в ст. 200 гл X Уложение по этому поводу указывается: «А будет тот к кому они таким умышлением приедут бороняся от себя, и дом свой обороняя кого из них убьет до смерти, и привезет тех побитых к судьям, и сыщется про то допряма, что он то убийство учинил по неволи, от себя бороняся и ему того в вину не ставить. А кого он убьет, и ему то убийство учинится от себя не приежай на чужой дом насильством» [10]. Отмеченные и другие нормы Уложения, касающиеся необходимой обороны, в своей совокупности дают основание полагать, что законодатель допускает необходимую оборону в основном при противоправном нападении на интересы обороняющегося, предоставляя право обороняющемуся защитить себя от нападения вплоть до лишения жизни нападающего. В некоторых нормах Уложение требует, чтобы о последствиях защитных действий потерпевший заявил властям. В целом же этим законодательным актом институт необходимой обороны получил довольно существенное продвижение.

После Соборного уложения крупным законодательным актом в области уголовного законодательства был Артикул воинский 1715 г. Этот документ представляет собой первый в правовой истории России целенаправленно созданный и систематизированный уголовно-правовой норма-

тивный акт. Разумеется, он был еще далек по степени разработанности уголовно-правовых институтов в их нынешнем понимании. В частности, отсутствовала Общая часть, а нормы касались лишь военнослужащих и в большинстве случаев речь идет лишь о воинских преступлениях. Однако Артикул воинский применялся и в отношении гражданских лиц. В этом акте, который Петр I во многом заимствовал (как и в целом право) дальнейшее развитие получает и институт необходимой обороны (арт. 156, 157). В этой связи следует отметить, что в рассматриваемую историческую эпоху (речь идет о первой четверти XVIII в.) в европейской правовой доктрине доминировало направление, получившее развитие преимущественно в немецкой литературе, согласно которому необходимая оборона, то есть правомерное причинение вреда посягающему, считалась пережитком более раннего периода, когда имела место частная месть, то есть была определенной попыткой обороняющегося лица самовольного ограничения власти государства, а потому хоть и допускалась, но существенно ограничивалась. В результате заимствования европейских правовых принципов, что активно делал Петр Великий, Артикул воинский в арт. 156 допускал только самооборону («нужное оборонение»), касающейся посягательств на жизнь и здоровье обороняющегося: «кто прямое оборонительное сопротивление для обороны живота своего учинит, и онаго, кто его к сему принудил, убьет, оный от всякого наказания свободен» [9].

Что касается защитных действий в случае посягательства на имущество, то они допускались при определенных условиях, в частности, это выражалось в том, что дозволялось лишить жизни ворвавшегося ночью в дом и с применением насилия, но лишь при следующем условии: «вор не для единой кражи, но чтоб и умертвить, в дом ночью врывается» (арт. 185) [9]. Но и в этом случае лишение жизни посягающегося на имущество оправдывалось лишь тем, что не было никакой

другой возможности защитить свои интересы. В то же время Артикул воинский устанавливал особый порядок реализации права на защитные действия обороняющегося на посягательство его интересов. Так, нужно было доказывать, что обороняющийся не являлся зачинщиком деяния, а нападение было совершено именно посягающим («от убитого нападен и зацеплен был»), что само нападение сопровождалось насилием и было незаконным и насильственным, что, наконец, не было возможности уступить или избежать нападения, то есть, обороняющийся имел право лишить жизни нападающего только в ситуации, не позволяющей уклониться от нападения.

Кроме того, законодатель в том же артикуле (арт.185) формулирует еще одно очень существенное условие необходимой обороны, а именно - соразмерность средств обороны – защитные действия не могли превышать характеру и степени опасности нападения; в законе это сформулировано так: «оборонение со обижением равно есть, а именно, чтоб таким же образом обороняться, каким образом от кого кто нападен будет» [9]. Мы особо подчеркиваем это законодательное положение, поскольку оно впервые в истории российского уголовного права закрепляет вопрос о соразмерности посягательства и обороны. Далее в рассматриваемом правовом документе устанавливалось, что обороняющийся может защищаться с помощью оружия только против вооруженного насилия, когда нападающий сильнее или когда нападение совершено. В определенной степени вопроса соразмерности касается и такое уточнение: «Если же смертный страх есть, то надлежит обороняться как возможно» [9]. Это законодательное положение, раскрывающее очень важное условие, заслуживает внимания еще и потому, что подавляющее большинство западных уголовных кодексов как того периода, так и современных, включают положение, согласно которому превышение пределов необходимой обороны след-

ствие «смущения, страха или испуга, вызванных нападением», либо в результате «сильного душевного волнения», обусловленного посягательством на интересы самого обороняющегося или другого лица, не составляют состава преступления [5, с. 124].

Если же указанные выше условия не соблюдались, то имел место состав преступления, содержание которого как раз и составляло несоблюдение правил «нужного оборонения». Вместе с тем, как определял законодатель, защищающийся не обязывался ждать, когда преступник нанесет удар первым: «однако ж насупротив того, когда уже в страхе есть, и невозможно более уступать, тогда не должен есть от соперника себе первого удара ожидать, ибо чрез такой первый удар может тако учинится, что и противится весьма забудет» [9]. Как видно, Артикул воинский заметно ограничил право на защитные действия от опасных нападений против жизни, здоровья, имущества и неприкосновенности жилища, по сравнению с Уложением 1649 г. При этом, как отмечали отечественные правоведы К.Д. Анциферов и В.Н. Крестьянов, необходимая расценивалась «как уступка государства, а не как право, как поединок, устраиваемый по всем правилам равенства поединщиков, а не как положение, внезапно возникающее вследствие неправового нападения на то или другое благо, охраняемое обороняющимся» [1, с. 66]. Заметим также, что в Артикуле воинском ничего не говорится об обороне имущественных прав.

Положения о необходимой обороне, содержащиеся в Артикуле воинском, действовали довольно долго – вплоть до принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Этот акт содержал несколько иной подход к принципам необходимой обороны. В литературе отмечалось, что положения петровского законодательства «не привились к нашему праву», и оно вернулось в весьма подробных постановлениях об обороне (ст. 101 – 103 Уложения) к системе нашего старого

права [11, с. 197]. В 1857 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных было включено в том XV Свода законов Российской империи. При этом уголовное право впервые на законодательном уровне было разделено на Общую и Особенную части. Необходимой обороне уделено относительно немало внимания уже в Общей части Уложения 1845 г. Так, в главе третьей (под названием «О определении наказаний по преступлениям») в ст. 98 Уложения необходимая оборона входила в перечень обстоятельств, которые являлись «причиной, по коим содеянное не должно быть вменяемо в вину». В ст. 101 Уложения 1903 г. регулируются основания и условия правомерности необходимой обороны (данный институт в Уложении 1903 г. именовался «необходимой личной обороной»). В указанной норме говорится также о защите имущественных благ. Например, в том случае, если застигнутый при похищении какого-либо имущества преступник не прекратил по требованию хозяина начатого им похищения, за хозяином признавалось право на необходимую оборону, при применении которой, как отмечалось, обороняющийся освобождался от уголовной ответственности [13]. Содержащиеся в Уложении 1845 г. нормы о необходимой обороне, несмотря на еще заметное влияние петровского законодательства, все же повторяют соответствующие положения Соборного уложения 1649 г., которое на протяжении нескольких столетий не допускало никаких искусственных ограничений права обороны, требуя только, чтобы это употребление силы или причинение вреда посягающему было необходимым, оправдывалось действительной опасностью [6, с. 63-64].

Как видно, к числу прав, которые могли быть защищаемы в рамках необходимой обороной от преступных посягательств, российское законодательство рассмотренных периодов относил следующие: жизнь, здоровье, свободу, женскую честь, имущество и неприкосновенность жилища. Известный российский правовед П.П. Пусторослев отмечал, что, в отличие

от законодательства большинства западных стран, необходимая оборона по русскому праву «признавалась правомерной как там, где она будет произведена необходимым нанесением телесных повреждений, так и там, где она будет произведена посредством излишнего нанесения смерти покусителю» [7, с. 130], то есть, причинение смерти посягающему также охватывалось институтом необходимой обороны. В этом смысле следует заметить, что большинство правоведов-криминалистов XIX столетия и начала XX в. считали, что оборона не может быть беспредельной: обороняющийся только тогда вправе перейти к насильственным мерам, когда ненасильственные оказались недейственными, или когда он добросовестно предполагал их недейственными. Именно вопрос о превышении пределов необходимой обороны стал тем ключевым моментом, вокруг которого разворачивались научные дискуссии при разработке нового Уголовного уложения на рубеже XIX-XX вв. (принято в 1903 г.) Под влиянием немецкого права этому институту отводилось специальное постановление. В ст. 45 Уложения 1903 г. необходимая оборона регламентируется следующим образом: «Не почитается преступным деяние, учиненное при необходимости обороны против незаконного посягательства на личные или имущественные блага самого защищавшегося или другого лица. Превышение пределов обороны чрезмерностью или несвоевременностью защиты наказывается только в случаях, особо законом указанных» [12].

Следует заметить, что различие подходов к данной проблеме объясняется, прежде всего, расхождением исходных философских позиций сторонников той или иной точки зрения на обоснование уголовной ответственности за вред, причиненный в состоянии необходимой обороны. В российской уголовно-правовой литературе при обосновании освобождения от уголовной ответственности за вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, встречается два основных подхода. Первый подход основывается на

мысли о том, что «если государство, устанавливая запрещающую норму, признает известное благо достойным правоохраны, то оно должно признать это благо правоохраненным и в момент нарушения, противоправного нападения. Этим выполняется сущность необходимой обороны» [8 с. 198]. Второй подход не находил указанные условия достаточными для обоснования непротивности акта необходимой обороны – по мнению сторонников этого подхода необходимо также наличие факта не-

возможности воспрепятствования посягательства со стороны государства (этого подхода придерживались Н.С. Таганцев, Г.С. Фельдштейн, А.Ф. Кони и др.). В целом же к концу функционирования Российской империи сформировалась вполне обоснованная научно-практическая позиция по регулированию института необходимой обороны, многие элементы которой в дальнейшем будут использованы как советским, так и современным российским законодателем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анциферов К.Д., Крестьянов В.Н. Замечания редакционного комитета уголовного отделения С.-Петербургского юридического общества на Проект особенной части Уголовного Уложения. Преступные деяния против личности. СПб.: Тип. Сената, 1885. 240 с.
2. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. В 2 т. Т.1. Часть общая. СПб.: Тип.Н. Тиблена, 1865. 941 с.
3. Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть общая: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. СПб.: Тип. Н.В. Васильева, 1898. 402 с.
4. Памятники русского права. Вып. 1: X-XII вв. / под ред. С. В. Юшкова; сост. А. А. Зимин. М.: Госюриздат, 1952. 287 с.
5. Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1962. 181 с.
6. Познышев С.В. Особенная часть русского Уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений. М.: Тип. В.М. Саблина, 1909. 516 с.
7. Пусторослев П.П. Понятие о незаменимой саморасправе как учреждении уголовного права. М.: Тип. МУ, 1890. 182 с.
8. Разин Н.Н. О крайней необходимости. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 251 с.
9. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. / Отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. С. 302- 362.
10. Соборное уложение 1649 года: текст и комментарии / Под ред. А.Г. Манькова. Л.: Наука, 1987. 507 с.
11. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. В 2 т. Т. 1. СПб.: Гос. Тип., 1902. 380 с.
12. Уголовное уложение от 22.03.1903 г. СПб.: Изд. В.П.Анисимова, 1903. 250 с.
13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845г. СПб.: Тип. СЕВК, 1845. 898с
14. Разин Н.Н. О крайней необходимости. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 251 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Anciferov K.D., Krest'janov V.N. Zamechanija redakcionnogo komiteta ugovolnogo ot-delenija S.-Pegerburgskogo juridicheskogo obshhestva na Proekt osobennoj chasti Ugo-lovnogo Ulozhenija. Prestupnye dejanija protiv lichnosti. SPb.: Tip. Senata, 1885. 240 s.
2. Berner A.F. Uchebnik ugovolnogo prava. Chasti obshhaja i osobennaja. S primechanijami, prilozhenijami i dopolnenijami po istorii russkogo prava i zakonodatel'stvu polozhitel'nomu N. Nekljudova. V 2 t. T.1. Chast' obshhaja. SPb.: Tip.N. Tiblena, 1865. 941 s.
3. Esipov V.V. Oчерk russkogo ugovolnogo prava. Chast' obshhaja: Prestuplenie i prestupniki. Nakazanie i nakazuemye. SPb.: Tip. N.V. Vasil'eva, 1898. 402 s.

4. Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 1: X-XII vv. / pod red. S. V. Jushkova; sost. A. A. Zimin. M.: Gosjurizdat, 1952. 287 s.
5. Pashe-Ozerskij N.N. Neobhodimaja oborona i krajnjaja neobhodimost' po sovetskomu ugovnomu pravu. M.: Gosjurizdat, 1962. 181 s.
6. Poznyshev S.V. Osobennaja chast' russkogo Ugolovnogogo prava. Sravnitel'nyj ocherk vazhnejshih otdelov osobennoj chasti starogo i novogo ulozhenij. M.: Tip. V.M. Sablina, 1909. 516 s.
7. Pustoroslev P.P. Ponjatie o nezamenimoj samorasprave kak uchrezhdenii ugovnogo prava. M.: Tip. MU, 1890. 182 s.
8. Razin N.N. O krajnej neobhodimosti. SPb.: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1899. 251 s.
9. Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vv.: v 9 t. T.4. Zakonodatel'stvo perioda stanovlenija absoljutizma. / Otv. red. A.G.Man'kov. M.: Juridicheskaja literatura, 1986. S. 302- 362.
10. Sobornoe ulozhenie 1649 goda: tekst i kommentarii / Pod red. A.G. Man'kova. L.: Nauka, 1987. 507s.
11. Tagancev N.S. Russkoe ugovnoe pravo. Chast' obshhaja. V 2 t. T. 1. SPb.: Gos. Tip., 1902. 380 s.
12. Ugolovnoe ulozhenie ot 22.03.1903 g. SPb.: Izd. V.P.Anisimova, 1903. 250 s.
13. Ulozhenie o nakazaniyah ugovnyh i ispravitel'nyh ot 15.08.1845g.SPb.:Tip. SEVK,1845.898s
14. Razin N.N. O krajnej neobhodimosti. SPb.: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1899. 251 s.

Поступила в редакцию 18.07.2021.
Принята к публикации 21.07.2021.

Для цитирования:

Упоров И.В. Основания и условия необходимой обороны в российском законодательстве монархического периода// Гуманитарный научный вестник. 2021. №7. С.194-200. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/07/UporovIV.pdf>